ОРГАНИЗАЦИЯ СОВЕТСКОЙ НАУКИ ORGANISING SOVIET SCIENCE

DOI 10.15826/izv2.2021.23.4.070

УДК 001:94(470)“1917/1950” + 378.1:658(09)

Л. Н. Мазур

¹ *Уральский федеральный университет*

Екатеринбург, Россия

² *Российский государственный*

гуманитарный университет

Москва, Россия

СОВЕТСКАЯ НАУКА КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ: ОСОБЕННОСТИ И ЭТАПЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ (1917–1950-е гг.)

Концепция советской науки формировалась во многом стихийно. Первоначально, в условиях Гражданской войны наука рассматривалась большевиками как инструмент и способ достижения политических и военных целей. Но, как и с другими объектами социального проектирования — социалистической экономикой, культурой, образованием и т. д., — четких представлений о социалистической науке у них не было. Устойчивым было только мнение о классовом характере буржуазной науки и ее роли, подчиненной интересам капитала и монархии. С учетом этого фактора формировалось отношение новой власти к различным научным направлениям. Больше доверия у большевиков вызывали естественно-научные и технические науки, достижения которых предполагалось «взять такими, какими передает их нам буржуазное наследие». Общественные и гуманитарные науки оценивались резко критически, как в целом враждебные социалистической идее.

Советская модель науки окончательно сложилась в 1930-е гг. Она отличалась некоторыми специфическими чертами, во многом определявшими ее достижения и провалы. К ним можно отнести иерархическую, разомкнутую организационную структуру, включающую три сектора науки (ведомственный, академический и вузовский). Кроме того, необходимо отметить такие черты советской науки, как децентрализация, полная зависимость от государства и системы планирования. Тактика государственной поддержки стратегически важных направлений науки и отсутствие альтернативных механизмов финансирования научных исследований способствовали быстрой бюрократизации советской науки, деформации структуры научного знания (дисбаланс между точными, естественными,

техническими, общественными и гуманитарными науками по темпам и уровню развития) и приоритету прикладных исследований над фундаментальными. Еще одна особенность — жесткий идеологический контроль научного знания, дополненный репрессиями против «буржуазной» науки и ее представителей, а также запретом (явным и неявным) на прямые контакты, что обусловило замкнутость и низкий уровень мобильности научного сообщества.

К л ю ч е в ы е с л о в а: советская наука; научное сообщество; академическая наука; вузовская наука; ведомственная наука

Благодарности

Тема поддержана грантом РНФ 20-78-10095 «Советская наука как индустрия: кадры, инфраструктура, организационно-управленческие практики (1920–1970-е гг.)».

Ц и т и р о в а н и е: Мазур Л. Н. Советская наука как социальный проект: особенности и этапы конструирования (1917–1950-е гг.) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 23, № 4. С. 117–138. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.4.070>

Поступила в редакцию: 27.07.2021

Принята к печати: 12.10.2021

Lyudmila N. Mazur

¹ *Ural Federal University*
Yekaterinburg, Russia

² *Russian State University for the Humanities*
Moscow, Russia

SOVIET SCIENCE AS A SOCIAL PROJECT: FEATURES AND STAGES OF CONSTRUCTION (1917–1950s)

The concept of Soviet science was formed in many ways spontaneously. Initially, under the conditions of the Civil War, science was viewed by the Bolsheviks as a tool and a way to achieve political and military goals. But, as with other objects of social design — socialist economy, culture, education, etc. — they did not have clear ideas about socialist science. Only the opinion about the class character of bourgeois science and its role, subordinate to the interests of capital and the monarchy, was stable. Taking this factor into account, the attitude of the new government to various scientific areas was formed. The Bolsheviks had more confidence in the natural and technical sciences, the achievements of which were supposed to be “taken as they are passed on to us by the bourgeois heritage”. The social sciences and humanities were judged sharply critically as, on the whole, hostile to the socialist idea.

The Soviet model of science finally took shape in the 1930s. It was distinguished by some specific features that largely determined its achievements and failures. These include a hierarchical, open-ended organisational structure that includes 3 sectors of science (departmental, academic and university). In addition, it is necessary to note

such features of Soviet science as decentralisation, complete dependence on the state and the planning system.

The tactics of state support for strategically important areas of science and the lack of alternative mechanisms for financing scientific research contributed to the rapid bureaucratisation of Soviet science, deformation of the structure of scientific knowledge (imbalance between the exact, natural, technical, social sciences and the humanities in terms of the pace and level of development) and the priority of applied research over fundamental. And one more feature is the strict ideological control of scientific knowledge, supplemented by repressions against “bourgeois” science and its representatives, as well as the prohibition (explicit and implicit) on direct contacts, which led to the isolation and low level of mobility of the scientific community.

Key words: Soviet science; scientific community; academic science; university science; departmental science

Acknowledgements

The topic was supported by the *Russian Science Foundation* grant 20-78-10095 “Soviet Science as an Industry: Personnel, Infrastructure, Organisational and Management Practices (1920s–1970s)”.

For citation: Mazur, L. N. (2021). Sovetskaia nauka kak sotsialnyi proekt: osobennosti i etapy konstruirovaniia (1917–1950-e gg.) [Soviet Science as a Social Project: Features and Stages of Construction (1917–1950s)]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 23(4), 117–138. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.4.070>

Submitted: 27.07.2021

Accepted: 12.10.2021

Постановка проблемы

Современная российская наука как институт и сфера общественной жизни выступает преемницей советской науки и представляет собой культурную модель со своими особенностями и иерархией задач. В общественном сознании и в политическом дискурсе она предстает как символ и одно из достижений социализма. Наука была частью советского эксперимента, выполняя сразу несколько функций: она служила обоснованием советского проекта; выступала одним из инструментов его реализации; сама была объектом социального проектирования.

Ее конструирование началось в первые годы советской власти с поиска новых форм взаимодействия с обществом и государством. Поиск продолжался на протяжении 1920-х гг. и завершился в целом к началу 1930-х гг. формированием разомкнутой трехчастной организационной модели науки (ведомственная, академическая, вузовская), отвечавшей требованиям классовости, практико-ориентированности и проектно-планового управления. Она просуществовала в таком виде вплоть до конца 1950-х гг., когда под влиянием политических (десталинизация) и социально-экономических процессов (научно-техническая революция) подверглась определенной деконструкции: при сохранении

трехчастной организационной структуры советская наука становится более открытой, включаясь в международное научное пространство, более комплексной и фундаментальной, приближаясь к формату нормальной модели научного знания (см. таблицу).

Системное описание моделей науки

Системные характеристики	Эталонная модель	Советская модель
Автономность научных организаций	+ самоуправление	— частично или полностью отсутствует
Экономическая независимость	+ наличие альтернативных источников финансирования, конкуренция	— государство — единственный источник финансирования
Политическая независимость	+ свобода научного творчества	— полный контроль (планирование, цензура)
Открытость	+ открытость (доступность результатов исследования)	— закрытость
Мобильность научного сообщества	+ высокая	— низкая
Связь с практикой	+ учитывает требования рынка	++ максимально ориентирована на запросы экономики и обеспечение обороноспособности страны
Научная этика: коллективизм универсализм бескорыстность организованный скептицизм	гуманитарный характер + + + +	классовый характер + частично — — + частично

Системные характеристики «эталонной» модели получили отражение в ряде международных документов [Великая Хартия...], а также в трудах Р. Мертона [Мертон], сформулировавшего четыре основных этических принципа, которых должно придерживаться научное сообщество: коллективизм (коммунализм) — результаты науки должны стать достоянием всего общества, быть доступными для всех; универсализм — требование, чтобы оценка научного результата была объективной, независимой от политических, социальных, национальных факторов; бескорыстность — на результаты исследования не должны влиять ненаучные интересы (религиозного, политического, экономического или иного характера); организованный скептицизм — критическое отношение к себе и работе коллег [Лазар, с. 127–128].

Нормальная модель науки соотносится с понятием «идеальный тип». Как всякая идеальная конструкция, она будет отличаться от национальных или цивилизационных вариантов. Все зависит от того, насколько существенно это отклонение, под влиянием каких факторов оно произошло.

Советская наука представляет собой специфическую культурную модель, сформированную в 1917–1950-е гг. в определенной макросреде с использованием методов социального проектирования. В ней получили воплощение представления идеологов большевизма — В. И. Ленина, И. В. Сталина, А. Луначарского, А. Богданова и др. Основные этапы изменения роли и образа науки в общественном сознании нашли отражение в материалах съездов ВКП(б)/КПСС, вписывающих науку в контекст политических решений. Кроме того, были учтены оценки особенностей советской науки, приведенные в научной литературе [Аблажей; Александров; Юдин; Ярошевский; и др.]. Так, например, А. Ясницкий, анализируя особенности современной российской психологии, выделил ряд черт, обозначив их термином «сталинская модель науки» — это централизация и идеологический контроль; разрыв теории и практики; интеллектуальный и лингвистический изоляционизм; и др. [Ясницкий]. Помимо этих характеристик отмечаются также практико-ориентированность, высокий уровень милитаризации, закрытость советской науки [Юдин; Ярошевский; и др.].

Цель данной статьи — опираясь на принципы проектного подхода, проследить, как изменялись в раннесоветский период представления о роли и месте науки в обществе и как они влияли на системные характеристики и режим функционирования науки.

Динамику процесса становления советской науки в значительной мере определяет смена поколений ученых, поскольку ее формирование происходит на фоне разрыва традиции. Должны были уйти как минимум два поколения ученых — дореволюционное и революционное. Их сменили научные работники, выросшие и получившие образование при советской власти — носители новой системы ценностей. Разрыв традиции достигался не только методами идеологической перековки кадров (воспитанием), но и репрессиями, чистками, а также вынужденной миграцией значительной части ученых.

С учетом проектного подхода, который делает акцент на идеях, реализуемых через управленческие решения, можно выделить следующие этапы формирования и развития советской науки:

1917–1921 — мобилизационный этап (централизация, контроль государства, поддержка отдельных прикладных исследований при сохранении прежних организационных структур);

1921–1931 — организационный этап (институционализация советской науки, децентрализация управления, культурная революция, концепция пролетарской науки, репрессии против ученых «старой школы»);

1930–1950-е гг. — этап идеологизации и милитаризации советской науки (сталинская бюрократическая модель): тотальный контроль, плановый характер, разделенная организационная структура, децентрализация, закрытость, догматизм, доминирование идеологии;

1960–1980-е гг. — этап нормализации советской науки, который включал частичную деконструкцию сталинской модели (восстановление автономии

научных учреждений; комплексный подход к развитию науки; выход из закрытого режима функционирования).

В. И. Ленин и наука: формирование социалистического канона научного знания

Научное знание, а вернее, его философская quintessence, известная как марксизм-ленинизм, играло особую роль в формировании революционной идеологии большевизма. Наука служила обоснованием цели социалистической революции — строительства коммунизма — и выступала в качестве обязательного условия реализации данной задачи, но только в тех пределах, которые соответствовали революционной целесообразности и классовым интересам государства диктатуры пролетариата.

В основе представлений о новой социалистической науке лежали взгляды В. И. Ленина, изложенные им в ряде работ¹, среди которых особое место занимает «Материализм и эмпириокритицизм» [Ленин, 1968], написанная в 1909 г. в жанре критических заметок в ответ на сборник статей В. Базарова, А. Богданова, А. Луначарского, С. Суворова и др. «Очерки по философии марксизма» (1908). Причиной написания книги, по мнению большинства исследователей, была борьба за власть внутри РСДРП(б) [Степин, с. 296], что объясняет накал критических замечаний и комментариев В. И. Ленина. С другой стороны, политический повод послужил толчком к изложению взглядов идейного руководителя большевизма на роль и место науки в жизни общества. Им были сформулированы положения:

- о классовом характере науки и, соответственно, ее делении на реакционную идеалистическую (капиталистическую, помещичью) и революционную материалистическую (пролетарскую), которая несет истинное знание;
- о приоритете практического (опытного, экспериментального) знания над теоретическим;
- о марксизме как единственно верной теории, объясняющей картину мира и направления его развития.

Фактически, В. И. Ленин сформулировал новый научный канон, отличный от классической модели науки. Он устанавливал «правильные» методы познания (диалектический материализм) и «истинную» теорию общественного развития (исторический материализм), венцом которой стало учение о коммунизме как высшей стадии развития общества. В отличие от классического варианта научного знания социалистическая наука должна была соответствовать принципам классовой, практикоориентированности и монизма.

¹ «Очередные задачи Советской власти» (1918), «Набросок плана научно-технических работ» (1918), «О пролетарской культуре» (1920), «Об едином хозяйственном плане» (1921); «О значении воинствующего материализма» (1922).

Вся последующая история советской науки была так или иначе связана с утверждением этих принципов, что достигалось не столько академическими методами (дискуссии и научная критика), сколько жесткими административными и репрессивными мерами. Этот процесс был тесно связан с культурной революцией, которую провозгласили большевики в 1919 г., начав борьбу с безграмотностью [О ликвидации безграмотности...]. Но конечная цель культурной революции состояла не только в решении проблемы грамотности населения, она была связана с созданием нового типа культуры — управляемой, идеологически детерминированной, подчиненной интересам власти, соответствующей принципам классовости и партийности. Частью этого проекта стало отрицание классической модели науки и ее перестройка.

Наука в условиях революции и Гражданской войны (мобилизационная модель)

В Российской империи наука опиралась на поддержку государства и в значительной степени контролировалась им. Наука была сосредоточена в Академии наук и университетах, значительная часть которых имела статус императорских. Заметную роль в развитии научного знания играли научные общества. Все это многообразие научных организаций большевики попытались унифицировать и поставить под контроль государства.

Восприятие большевиками места и роли науки и варианты ее интеграции в советский проект можно проследить по протоколам VIII съезда РКП(б) 1919 г., на котором была принята новая редакция Программы Коммунистической партии и определены основные направления строительства коммунизма.

В разделе, посвященном экономике, последним пунктом были оформлены задачи партии в области науки:

Советская власть уже приняла целый ряд мер, направленных к развитию науки и ее сближению с производством: создание целой сети новых научно-прикладных институтов, лабораторий, испытательных станций, опытных производств по проверке новых технических методов, усовершенствований и изобретений, учет и организация всех научных сил и средств и т. д. РКП, поддерживая все эти меры, стремится к дальнейшему их развитию и созданию наиболее благоприятных условий научной работы в ее связи с поднятием производительных сил страны [Восьмой съезд..., с. 405].

Как видно, наука воспринималась большевиками исключительно в прикладном значении как «производительная сила». Алгоритм адаптации науки к новым задачам и условиям существования включал:

- 1) использование достижений буржуазной науки и техники для целей победы социалистической революции и строительства коммунизма;
- 2) привлечение буржуазных специалистов, за знания которых следует хорошо платить;

3) обеспечение рабочим возможности получить необходимые знания в «специальных учреждениях по развитию науки и техники»;

4) первоочередное освоение военной науки и достижений науки и техники милитаризма «в самых худших формах», без которых невозможно овладеть современной техникой и современным способом ведения войны.

Наконец, в материалах VIII съезда была подчеркнута необходимость контролировать науку, чтобы «враждебные силы не смогли проводить под видом литературы, науки и искусства общественно вредных контрреволюционных идей» [Восьмой съезд..., с. 434]. Кроме того, все формы науки и искусства должны были быть связаны с идеями коммунизма и работой по созданию коммунистического общества.

Всего в материалах VIII съезда слово *наука* встречается 17 раз, явно не находясь в числе приоритетных задач РКП(б), и упоминается в контексте трех основных сюжетов — вооружение армии, производительная сила хозяйства и пропаганда идей коммунизма. Доверие новой власти вызывали естественные и технические науки, которые следовало «взять такими, какими передает их нам буржуазное наследие» [Луначарский]. Другое дело общественные науки, особенно социология, их считали вредными и ненужными. Исключение составляла марксистская теория, которая стала идеологией миллионов рабочих.

Первым шагом в установлении контроля над наукой стали мероприятия по централизации управления научной сферой и полное подчинение ее текущим экономическим, военным и политическим задачам.

9 ноября 1917 г. был подписан декрет, согласно которому создавалась Государственная комиссия по народному просвещению. В ее составе был организован научный отдел, в ведении которого находились Академия наук, высшие учебные заведения с исследовательскими подразделениями, лаборатории, обсерватории, музеи, библиотеки, научные общества [Об учреждении...]. Его работа началась с попыток установить контакты с учеными. В январе 1918 г. был организован отдел по мобилизации научных сил на службу крестьянской и рабочей России. В апреле 1918 г. В. И. Ленин подготовил «Набросок плана научно-технических работ» [Ленин, 1974], где были выделены первоочередные задачи науки: обеспечение промышленности сырьем и энергией, рациональное размещение и организация предприятий; электрификация. Академии наук было предложено образовать комиссии для составления плана реорганизации экономики страны и ее быстрого подъема.

Большевики понимали необходимость привлечения к сотрудничеству представителей академической науки. Но все-таки бывшая императорская Академия наук воспринималась властью настороженно, и вполне логичной выглядит попытка создать альтернативную структуру — 25 июня 1918 г. было принято Положение о Социалистической академии общественных наук, которая имела «целью научную разработку вопросов социализма и коммунизма, научное исследование в области социальных наук, философии и наук естественных, поскольку последние соприкасаются с науками социальными, а также подготовку ученых

специалистов в области социальных знаний» [Положение...]. В 1919 г. Социалистическая академия общественных наук была переименована в Социалистическую академию, а в 1924 г. — в Коммунистическую академию, что выглядит как процесс генерализации науки — включения в марксистскую парадигму не только общественных, но и естественных дисциплин. Как альтернативная модель, Коммунистическая академия функционировала до 1936 г., когда постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 7 февраля 1936 г. ее существование было признано нецелесообразным [О ликвидации Коммунистической академии...].

27 июня 1918 г. Научным отделом было подготовлено обращение, в котором излагались основные принципы взаимодействия советской власти с научным сообществом, в основе которых лежали учет и контроль. В научные организации рассылалась анкета для заполнения, а также предлагалось предоставить в Наркомпрос устав, печатные труды, протоколы заседаний и сообщать один раз в три месяца о своей деятельности [Синельникова, с. 456].

Наряду с Научным отделом Наркомпроса в 1918 г. при ВСНХ создается Научно-технический отдел (НТО), на который возлагалась задача организации научного обслуживания промышленности и координация прикладных научно-технических работ. Итогом его работы стало формирование сети отраслевых научных учреждений — научно-исследовательских институтов в промышленности, на транспорте и в сельском хозяйстве, здравоохранении и пр.

В целом, мобилизационная модель науки, функционировавшая в годы Гражданской войны, была полностью подчинена текущим задачам государства и зависима от него. В условиях тотального дефицита советское государство точно поддерживало проекты, которые можно было использовать для укрепления своего положения [Сидорчук]. Так, например, в составе Академии наук были образованы новые научно-исследовательские институты — платиновый (1918), физико-химического анализа (1918), физико-математический (1921). Выросло число высших учебных заведений, призванных готовить кадры для промышленности и сельского хозяйства. Появляются учебные заведения и формы обучения нового типа — рабфаки, совпартшколы и пр., нацеленные на обеспечение доступности высшего образования для рабочих и крестьян, а также на подготовку ученых с марксистским мировоззрением.

Все эти мероприятия не затрагивали существовавших форм организации науки, но готовили почву для коренной реконструкции научной сферы. Как следует из Отчета о работе Научного отдела в 1917–1919 гг., старые организационные формы, в том числе Академия наук, «пронизанная духом кастовости», должны были уступить место новым демократическим структурам. Планировалось создать Высший научный центр, объединяющий и направляющий научную работу в стране. Он должен был включать представителей научных ассоциаций по отдельным отраслям наук. Ассоциации «учреждаются на имеющих быть созданными специальных Всероссийских съездах деятелей и представителей разных наук и научных учреждений. Каждая данная ассоциация по своему конструированию избирает для своей отрасли знания совет, возглавляющий

эту ассоциацию, а объединенный орган всех советов является всеобъемлющим представительным и организационным центром, который, по первоначальной мысли Отдела, должен взять на себя в этой части функции Академии наук» [цит. по: Лапко, Люстерник, с. 58].

Этим планам не суждено было воплотиться: первоначальный проект реорганизации науки был пересмотрен в связи с очевидными трудностями реализации всех мероприятий в условиях Гражданской войны и представлением Академией наук проекта создания Союза ученых.

К началу нэпа наука в РСФСР находилась в очень тяжелом состоянии: часть ученых эмигрировала, другая находилась на грани физического выживания, поскольку «академические» пайки получали единицы — наиболее ценные для власти представители ученого сообщества. Работа большинства научных учреждений и обществ была приостановлена.

Организационное оформление советской науки (революционная модель, 1921–1931)

Только в 1921 г., с началом нэпа и переходом к решению задач восстановления экономики, государство озаботилось бедственным положением ученых. В октябре 1921 г. около 8 000 научных работников начали получать «академические» пайки, а в декабре того же года была основана Центральная комиссия по улучшению быта ученых [Яшина].

1920-е годы ознаменовались масштабным организационным строительством в области науки. 11 февраля 1921 г. СНК РСФСР утвердил «Положение о Народном комиссариате по просвещению», согласно которому в структуре Наркомпроса был создан Академический центр в составе Научной и Художественной секций [О Народном Комиссариате...]. В задачи Научной секции (с 1922 г. — Главнаука) входили разработка планов и программ деятельности научных учреждений, организация научных съездов и экспедиций, материальная и административная помощь исследовательским учреждениям и т. д. Возобновились поездки ученых за границу и приглашение иностранных ученых в Россию, что способствовало росту авторитета советской власти за рубежом [Александров].

В 1925 г. Академия наук из Наркомпроса РСФСР была передана в ведение СНК СССР и получила статус высшего ученого учреждения в стране [О признании...]. В июне 1927 г. Академия приняла первый советский устав (до этого действовал устав 1836 г.), в котором были сформулированы ее задачи:

а) развивать и совершенствовать научные дисциплины, входящие в круг ее ведения, обогащая их новыми открытиями и методами исследования; б) изучать естественные производительные силы страны и содействовать их использованию; в) приспособлять научные теории и результаты научных опытов и наблюдений к практическому применению в промышленности и культурно-экономическом строительстве [Устав АН СССР, 1927].

Длительный этап официального признания Академии стал отражением противоречий в отношениях научного сообщества и советской власти: многие ученые не приняли революцию и открыто выражали свою позицию, в результате они эмигрировали или были высланы из страны как враждебные элементы. После получения официального статуса развитие Академии наук пошло активнее: в 1928 г. к числу академических относились 8 институтов, в 1931 г. их число выросло в 3,5 раза и достигло 28; численность научных работников увеличилась с 1 457 чел. (1929) до 8 757 чел. (1931) [Долгова, с. 327].

Второй сектор науки — отраслевой — возглавили научно-организационные подразделения при наркоматах и других ведомствах: Научная комиссия НТО ВСНХ, Ученый медицинский совет Наркомздрава и др. Всего в промышленности в 1925 г. работало около 30 научно-исследовательских институтов и крупных специализированных лабораторий. В системе Наркомздрава действовало 8 крупных институтов.

Система высшего образования, находившаяся в ведении Наркомпроса, также переживала период реформирования. Оно касалось прежде всего программ обучения и учебного процесса — внедрялись коллективные формы обучения, большую роль в жизни вуза играли студенческие советы, профсоюзные организации, не говоря уже о партийных и комсомольских комитетах, фактически руководивших учебными заведениями [Стратонов]. В 1921 г. СНК РСФСР за подписью В. И. Ленина утвердил Положение о вузах, в котором были закреплены принципы централизации управления образованием, ориентации на кадровые потребности народного хозяйства и государственно-партийного контроля за всеми сторонами жизни вуза, в том числе за научной и учебной работой, содержанием образования [О высших учебных заведениях...].

Основной задачей вузов и втузов была подготовка пролетарских кадров для экономики, научная деятельность долгое время не рассматривалась как профильная. Только в начале 1930-х гг. перед вузами ставится задача ведения научно-исследовательской работы. Ее реализация была связана с восстановлением в начале 1930-х гг. университетской системы [О реорганизации...].

Динамика числа вузов была неровной: в 1922/1923 учебном году в СССР насчитывалось 248 вузов (216,7 тыс. студентов), к 1928 г. их число сократилось почти в 2 раза — до 129 (159,8 тыс. студентов), а затем выросло в 4 раза, составив в 1930/1931 г. 537 (272,1 тыс. студентов) [Социалистическое строительство..., 1934, с. 406].

Таким образом, в результате ведомственных перетасовок в 1920-е гг. окончательно оформилась трехчастная организационная структура науки с отдельной системой управления, финансирования и своими функциями:

- за академической наукой закрепились функции методологического и методического центра. Она занималась преимущественно фундаментальными исследованиями, но должна была учитывать запросы экономики;
- вузы, подчиненные Наркомпросу, отвечали за подготовку научных кадров и занимались прикладными исследованиями;

— отраслевая наука была полностью ориентирована на потребности производства.

Основные ресурсы были сосредоточены в отраслевых институтах. Они, как и вузы (высшие технические учебные заведения), в идеале должны были стать частью крупных промышленных предприятий, чтобы максимально полно учитывать специфику производства в подготовке кадров, разработке новых технологий и техники. Такая полная интеграция соответствовала представлениям о «пролетарской науке», сформулированным в работах А. Богданова, А. К. Гастева.

Наука будущего в их трудах представляла как коллективный процесс познания, организованный по аналогии с производством, в котором участвуют все члены общества независимо от пола, национальности, профессиональной принадлежности. Пролетарская наука должна была быть максимально открытой (доступной и понятной), а ее язык — однозначным. Ее основная цель — интеграция достижений отдельных дисциплин в единую картину мира [Гельвих]. По этому поводу еще в 1908 г. А. А. Богданов писал: «Естествоиспытатель-кустарь, ведущий свою работу индивидуальными силами и на маленькие частные средства, правда, еще существует, но это — вымирающий тип. Современные лаборатории, обсерватории, разнообразные научно-технические институты, это, в самом деле, не что иное, как фабрики естествознания» [Богданов, с. 39]. Более того, не университеты и институты, а предприятия были призваны стать пространством науки: «Предприятие в настоящее время становится не только производством, не только “практикой”, которую обогащает наука, вырабатываемая в университетах и политехниках. Нет, современное предприятие все более и более само проявляет и совершенствует новые, ранее ему не свойственные “научные” функции» [Гастев].

Несмотря на революционный романтизм и утопичность представлений о «пролетарской науке», некоторые идеи оказались весьма востребованными в дальнейшем. В частности, представления о науке как массовом процессе, в котором участвуют не только ученые, но и народные таланты, чьи изобретения могут опережать академическую науку. Принципы демократичности и народности советской науки нашли выражение в создании разнообразных добровольных спортивно-технических и инженерно-научных обществ, объединявших сотни тысяч советских людей. К их числу, например, относится движение изобретателей и рационализаторов, насчитывавшее в 1932 г. около 300 тыс. членов, превышая почти в 4 раза число научных работников. Большую популярность в 1920-е гг. приобрело краеведческое движение, развернуло свою деятельность Русское географическое общество и другие общественные организации.

Ситуация меняется в конце 1920-х гг. Поиски нового в науке (новых методов, идей, научных направлений) остались в прошлом. На фоне индустриализации и коллективизации, внутрипартийной борьбы за власть происходит усиление контроля над наукой и приведение ее к ленинскому канону. Академическая и вузовская наука с их традициями академической свободы были полностью или частично лишены какой-либо автономии. Регулярные чистки, многоуровневая

система контроля — партийного, профсоюзного, общественного — способствовали быстрой бюрократизации науки и появлению научной номенклатуры. Научные общества либо прекратили свою деятельность, либо превратились в проводников лозунгов власти [Синельникова]. Идеологизация науки, сопровождавшаяся внедрением марксистско-ленинской методологии в исследовательский процесс, охватила не только общественные науки, но и естественно-научные направления, и способствовала их делению на соответствующие ленинским принципам познания (пролетарские) и не соответствующие (буржуазные).

Сталинская наука: бюрократическая модель (1930–1950-е гг.)

1930-е годы стали временем окончательного оформления сталинской модели науки, которая в концентрированном виде отразила специфику советского строя. Для нее были характерны предельная идеологизация и милитаризация, полный контроль и зависимость от власти, закрытость и догматизм. Подчиняясь задачам социалистического строительства, наука была призвана обеспечивать промышленное и сельскохозяйственное производство техникой, сырьем, технологиями и воспринималась властью как придаток производства.

Для оценки реального статуса науки достаточно познакомиться с материалами съездов партии (XVI, 1930; XVII, 1934; XVIII, 1939; и др.). Так, например, в Политическом отчете ЦК XVI съезду, слово *наука* встречается всего 4 раза в контексте характеристики международного положения и борьбы с вредителями производства [Сталин, т. 12]. Годом позднее, на Первой конференции работников промышленности, Сталин заявил: «Наука, технический опыт, знания — все это дело наживное. Сегодня нет их, а завтра будут. ...Самое главное с точки зрения строительства мы уже сделали. Нам осталось немного: изучить технику, овладеть наукой» [Там же, т. 13]. Чуть больше внимания науке было уделено в материалах XVII съезда ВКП(б), где это слово встречается 65 раз. В докладе Молотова звучит признание, свидетельствующее о новой стратегии власти — достижения советской науки 1920-х гг. забыты и сделана ставка на зарубежный опыт: «Нам пришлось многому учиться у иностранной техники, у иностранных специалистов. Эта учеба не пошла впустую. У нас выросли уже значительные новые кадры работников науки и техники» [XVII съезд...]. Советская наука начинается с чистого листа с новым поколением работников науки.

«Овладение наукой» предполагало: во-первых, расширение сети высших учебных заведений для подготовки кадров и проведение реформы высшего и среднего профессионального образования; во-вторых, разработку научно-технической политики. Ее особенностью была установка на заимствование достижений западной науки. На рубеже 1920–1930-х гг., в результате репрессий, советская наука понесла большие потери («Шахтинское дело», 1928; «Дело Академии наук», 1929–1931; «Дело Трудовой крестьянской партии», 1930; «Дело Промпартии», 1930; «Дело славистов», 1933–1934; и др.) и попала в разряд неблагонадежных. Настало время заменить старых специалистов новыми кадрами.

Одновременно в советской науке нарастал изоляционизм, проявлявшийся в негласном запрете публиковаться за рубежом, сокращении контактов с зарубежными коллегами, числа командировок за границу. Причины этого, по мнению Д. А. Александрова, были связаны не только с запретами и ограничениями, но и со «становлением в России и СССР значительного самодостаточного научного сообщества по большинству дисциплин» [Александров, с. 20].

Действительно, характерной чертой 1930-х гг. было стремительное наращивание инфраструктуры. Прежде всего это касалось численности институтов Академии наук и вузов. В 1933 г. к Академии относилось 56 научных учреждений с числом работников 1 802 чел. [Социалистическое строительство..., 1934, с. 419], в 1939 г. — 152 (в том числе 60 институтов) и 3 643 чел. научного и научно-вспомогательного персонала [Культурное строительство..., с. 238]. В 1936 г. в систему АН СССР были переданы учреждения Коммунистической академии. Были организованы Институт истории АН СССР, а также институты советского строительства, экономики и др. Важным шагом стало формирование научно-исследовательских учреждений по всей территории СССР, в том числе на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке.

К концу первой пятилетки, в 1931/1932 учебному году, количество вузов в СССР достигло 645 (394 тыс. студентов), в 1933/1934 г. их число увеличилось до 721 (469,8 тыс. студентов) [Социалистическое строительство..., 1934, с. 406], в 1938 г. число вузов сократилось до 708, а количество студентов выросло до 602,9 тыс. [Социалистическое строительство..., 1939, с. 121]. При университетах в середине 1930-х гг. насчитывалось 26 научно-исследовательских институтов, из которых: физических было 5, математики и механики — 3, астрономических — 3, биологических — 9, химических — 3, географических и почвенных — 4 [Университеты...].

Ведомственных научных учреждениях на 01.01.1933 насчитывалось 972 (94,6 %) из 1 028 НИИ и филиалов СССР с численностью научных работников 75 260 (97,7 %) из 77 062. Больше всего НИИ находилось в структуре Наркомздрава — 271 институт и 15 филиалов; Наркомтяжпрома — 178 институтов и филиалов; Наркомзема — 149 НИИ и филиалов, а также 295 зональных и отраслевых станций; Наркомпроса — 123 института и филиала и 18 зональных и отраслевых станций [Социалистическое строительство..., 1934, с. 420]. К началу 1939 г. число научно-исследовательских учреждений с филиалами сократилось до 757, а число сотрудников — до 51 687 чел. [Культурное строительство..., с. 238–239].

Динамика численности научных учреждений и научных работников сохраняла положительный тренд в военный и послевоенный период [Кулаков]. Параллельно развитию сети научных учреждений и наращиванию инфраструктуры шел процесс полного подчинения науки бюрократическим институтам (управления и планирования): академические институты и вузы были лишены какой-либо самостоятельности (автономии) [Устав Академии наук СССР, 1935].

Бюрократизация коснулась и общественных научных организаций. С апреля 1930 г. деятельность научно-технических обществ регулировалась Всесоюзным советом научно-технических обществ, находившимся при ВЦСПС. Постановлением ЦК ВКП(б) от 19 ноября 1931 г. научно-технические общества были реорганизованы в самостоятельные научные инженерно-технические общества. В июне 1933 г. в стране насчитывалось 44 Всесоюзных научных инженерно-технических общества. К концу 1938 г. после слияния близких по профилю объединений их количество составило 26 [Историческая справка...].

Итоги культурной революции, одним из направлений которой была наука, подвел XVIII съезд ВКП(б). На съезде среди 1 569 делегатов было всего 35 представителей культуры, науки и искусства [XVIII съезд..., с. 148]. В стенографических материалах съезда слово *наука* встречается 84 раза и используется в нескольких контекстах:

— упадок науки в капиталистических странах («В странах же капитала наука и искусство задыхаются под грязной лапой фашистских мракобесов») [Там же, с. 316];

— подготовка кадров новой интеллигенции («Интеллигенция, вооруженная наукой Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, верно и плодотворно будет служить свободному советскому народу и угнетенным трудящимся всего мира в их борьбе за настоящее счастье людское — за коммунизм, первые лучи которого уже сияют над советской землей. И сияния этого мы не дадим никому затмить») [Там же, с. 458];

— расцвет марксистско-ленинской науки («У нас есть наука, очищенная от всякого хлама, — наука о коммунизме, могущество которой доказано практически») [Там же, с. 95].

В выступлениях хозяйственников активно используются ритуальные фразы о связи науки с производством, прославляющие «мичуринскую», «сталинскую», «ленинскую» науку. Несмотря на ярко выраженный идеологический контекст употребления понятия «советская наука», следует отметить, что оно вошло в политический дискурс, заняло свое место в перечне достижений советской власти и стало одним из символов социализма («В Советском государстве как никогда и нигде в мире процветают науки и искусства») [Там же, с. 137].

Война — особый период в истории страны и советской науки. Она обострила все проблемы, характерные для советского общества и его научной сферы, высветила недостатки сталинской модели, но одновременно дала толчок к развитию фундаментальных исследований, в том числе в области атомной энергии, а также способствовала развитию региональной науки.

Мобилизация науки и поворот ее к нуждам фронта начался с первых дней войны. При отсутствии разработанного плана перестройка проводилась стихийно. Быстрее всего она прошла в отраслевых институтах, поскольку они изначально были ориентированы на выполнение задач, связанных с обороной

и нуждами промышленности. Академическая наука, сосредоточенная в столицах, перестраивалась заметно медленнее из-за эвакуации и необходимости наладить работу на новом месте.

Одной из наиболее значимых проблем мобилизации науки была ее разобщенность. Основной формой консолидации научных сил стали комиссии и консультативные группы, которые объединяли ученых из разных учреждений науки — академических, отраслевых, высшего образования. Большую известность приобрела Комиссия по мобилизации природных ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана на нужды обороны страны под рук. акад. И. П. Бардина. К ее работе были привлечены свыше 800 работников науки, техники и около 60 научных учреждений и организаций [Статья..., с. 107]. Создавались исследовательские и консультативные группы ученых, работавшие по заданиям ГКО, Генштаба, а также штабов фронтов и флотов, наркоматов и других ведомств, отдельных предприятий. К сожалению, этот опыт межведомственного взаимодействия изучен крайне слабо из-за закрытости архивных фондов, значительная часть которых до сих пор засекречена [Каплюков, Яркова].

Другой проблемой научных исследований в годы войны была их ресурсная направленность, что отодвигало на второй план фундаментальные задачи — разработку новых технологий и новых видов вооружения [Доклад...]. Поворот в сторону фундаментальной науки приходится на 1943 г. Он оказался переломным и для решения вопросов снабжения научных работников, значительная часть которых голодала. Дело в том, что научные работники снабжались по категории служащих, имея по 400 г хлеба в день, и только в 1943 г. они были приравнены к промышленным рабочим [Исюмова].

В целом, мобилизация науки в годы войны была построена на сверхэксплуатации человеческого ресурса и не учитывала специфику научного труда.

В послевоенный период меняется восприятие науки и ее общественный статус. Становится очевидным, что без сильной науки не выиграть гонку вооружений, не поднять из разлухи страну, а главное — не построить самое передовое общество. Эпоха НТР вывела науку в разряд глобальных факторов, это интуитивно почувствовала партийная номенклатура, меняя политическую риторику.

В материалах XIX съезда КПСС в директивах по пятому пятилетнему плану в перечне задач впервые прозвучало: «Всемерно содействовать ученым в разработке ими теоретических проблем во всех областях знания и укреплять связь науки с производством» [XIX съезд...].

На XX съезде тема науки поднимается постоянно. Среди научных достижений упоминается использование атомной энергии, создание ЭВМ. Отмечены и недостатки науки — отставание от запросов народного хозяйства и от зарубежной науки; слабая связь с производством; нерациональное размещение научных учреждений, концентрация их в столицах; разобщенность в деятельности научных учреждений Академии наук, отраслевых научно-исследовательских

институтов и высших учебных заведений [XX съезд..., с. 86–87]. Впервые на съезде было предоставлено слово Президенту АН СССР А. Н. Несмеянову, который отчитался о достижениях и рассказал о проблемах Академии, среди которых прозвучала критика системы планирования науки [Там же, с. 373–381].

Так наука заняла свое место среди других институций общества, наряду с промышленностью, сельским хозяйством, транспортом и т. д. Более того, к этому времени относится мифологизация и героизация образа науки, в частности формирование представлений о всемогуществе науки и ее способности решить все проблемы. Но общественное признание не изменило базовых характеристик сталинской модели: наука оставалась по-прежнему разобщенной, децентрализованной, закрытой, бюрократизированной и идеологизированной.

Выводы

На протяжении всех лет советской власти социалистическая наука рассматривалась прежде всего как научно-практическая деятельность, призванная решать текущие вопросы строительства социализма и укрепления военной мощи государства. Такая постановка вопроса обусловила прагматический характер политики власти в области науки с ярко выраженным акцентом на военных задачах, что определяло высокий уровень милитаризации советской науки.

Важным организационным последствием подобного позиционирования науки стало придание ей ведомственного статуса: курировать научные исследования и использование научных разработок должны были профильные наркоматы. В результате советская наука оказалась разделенной на три сектора — ведомственный, академический и вузовский, которые различались не только подчиненностью и системой управления, но и характером научных разработок, уровнем финансирования и открытости, т. е. включенности в научно-коммуникативную среду (внутреннюю и международную).

Наиболее благоприятные условия для развития науки с точки зрения финансирования и государственной поддержки были у ведомственных научных учреждений, где было сосредоточено $\frac{2}{3}$ ресурсов (финансовых, материальных, человеческих). Находясь в подчинении профильных наркоматов / министерств, научно-исследовательские институты занимались преимущественно прикладными разработками, привлекая первоначально «бывших» и зарубежных специалистов, т. е. опираясь на накопленный в отечественной и международной науке багаж. На некоторое время его хватало, но дефицит идей стал ощущаться уже в 1930-е гг., когда «бывшие» оказались в числе репрессированных и им на смену пришло новое поколение ученых, подготовленное в советских вузах. Именно на 1930-е гг. приходится разрыв традиции, прерывается связь поколений ученых и преемственность ценностей науки. Происходит замещение нормальной модели науки на советскую.

С течением времени в зависимости от текущих условий отношение к науке среди руководителей советского государства менялось: прагматичный подход

к научным исследованиям как производительной силе, характерный для периода революции и гражданской войны, сменила концепция «пролетарской науки», которую пытались реализовать в 1920-е гг. Восприятие научного знания через призму идеологии и политики было характерно для сталинской эпохи, что отразилось в официальной иерархии научных дисциплин: общественные науки, пропагандирующие марксизм, заняли лидирующее положение, обеспечивая методологическое обоснование истинности социалистической науки. НТР вновь поменяла вектор отношения к науке, актуализировав спор физиков и лириков. 1960–1980-е гг. стали временем нормализации советской модели науки, приблизив ее к международному эталону, но этот процесс остался незавершенным.

Источники

- XVII съезд ВКП(б). 26 января — 10 февраля 1934 г. : стенографический отчет. М. : Партздат, 1936. URL: http://www.hrono.ru/vkpb_17/15_1.html (дата обращения: 13.08.2021).
- XVIII съезд ВКП(б). 10–21 марта 1939 г. : стенографический отчет. М. : ОГИЗ, 1939.
- XIX съезд ВКП(б) — КПСС (5–14 октября 1952 г.) : документы и материалы. [Б. м.], [б. г.]. URL: http://istmat.info/files/uploads/52189/19_sezd_.pdf (дата обращения: 13.08.2021).
- XX съезд КПСС. 14–25 февраля 1956 г. : стенографический отчет. Ч. 1. М. : Гос. изд-во полит. литературы, 1956.
- Богданов А. Философия современного естествоиспытателя // Очерки философии коллективизма. Сборник первый. СПб. : Знание, 1909. С. 39.
- Великая Хартия европейских университетов. Болонья, 18 сентября 1988 г. URL: <https://www.sgu.ru/structure/analysis-procuring/uok/garantiya-kachestva/bolonskiy-process/velikaya-hartiya-evropeyskih-universitetov> (дата обращения: 13.08.2021).
- Восьмой съезд РКП(б). 1919 : протоколы. М. : Гос. изд-во полит. литературы, 1959.
- Иастев А. К. Как надо работать. М. : Экономика, 1972.
- Доклад академика А. Ф. Иоффе «Физика и война» на Общем собрании АН СССР 7 мая 1942 г. в г. Свердловске // Рубежи созидания. К 70-летию академической науки на Урале : документы и материалы. 1932–2002 гг. Екатеринбург : УрО РАН, 2002. С. 100–106.
- Историческая справка к фонду «Всесоюзный совет научно-технических обществ и научно-технические общества (НТО). (Объединенный фонд.) 1932–1991 // ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации. Р-5587. Оп. 1. 3508. Ед. хр.: 1932–1985.
- Кулаков А. А. Научные учреждения // Большая советская энциклопедия. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/107/002.htm> (дата обращения: 13.08.2021).
- Культурное строительство СССР : стат. сб. М. ; Л. : ГОСПЛАНИЗДАТ, 1940.
- Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 18. М. : Изд-во полит. литературы, 1968.
- Ленин В. И. Набросок плана научно-технических работ // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 36. М. : Изд-во полит. литературы, 1974. С. 228–231.
- Луначарский А. В. Ленин в его отношении к науке и искусству // Наследие А. В. Луначарского : [сайт]. URL: <http://lunacharsky.newgod.su/lib/chelovek-novogo-mira/lenin-v-ego-otnoshenii-k-nauke-i-iskusstvu/> (дата обращения: 15.07.2021).
- О высших учебных заведениях РСФСР (Положение) : Декрет СНК РСФСР от 02.09.1921 г. URL: <http://bestpravo.ru/sss/eh-praktika/x7w.htm> (дата обращения: 15.11.2020).
- О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР : Декрет СНК от 26.12.1919 г. URL: <http://www.rusarchives.ru/statehood/08-41-dekret-bezgramotnost-1918.shtml> (дата обращения: 13.06.2021).

О ликвидации Коммунистической академии и передаче ее институтов и учреждений в Академию наук СССР : Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 7.02.1936 г. // Социальная история отечественной науки : [сайт]. URL: <http://old.ihst.ru/projects/sohist/document/an/181.htm> (дата обращения: 18.07.2021).

О Народном Комиссариате по просвещению (Положение) : Декрет СНК РСФСР от 11.02.1921 // КонсультантПлюс : [сайт]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=9503#pTRJLeSbybX1Yxp2> (дата обращения: 22.06.2021).

О признании Российской академии наук высшим ученым учреждением Союза ССР : Постановление ЦИК и СНК СССР 27.07.1925 г. // Законы об Академии наук. 1925–1934 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://museumreforms.ru/load-document/nojs/13957> (дата обращения: 21.06.2021).

О реорганизации государственных университетов : Постановление СНК РСФСР от 13.07.1931 // КонсультантПлюс : [сайт]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=15953> (дата обращения: 12.05.2021).

Об учреждении Государственной комиссии по просвещению : Декрет ВЦИК и СНК 9 (22) ноября 1917 г. // Декреты Советской власти. Т. I. 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г. М. : Политиздат, 1957. С. 59–62.

Положение о Социалистической академии общественных наук. Утв. 25 июня 1918 г. // Декреты Советской власти. Т. II : 17 марта — 10 июля 1918 г. М. : Гос. изд-во полит. литературы, 1959. С. 469–478.

Социалистическое строительство СССР : стат. ежегодник. М. : ЦУНХУ ГОСПЛАНА СССР-В/О СОЮЗОРГУЧЕТ, 1934. URL: http://istmat.info/files/uploads/22072/socstroy1934_podgotovka_kadrov.pdf (дата обращения: 12.05.2021).

Социалистическое строительство Союза ССР (1933–1938 гг.) : стат. сб. М. ; Л. : Госплан-издат, 1939.

Сталин И. В. Политический отчет Центрального Комитета XVI съезду ВКП(б) 27 июня 1930 г. // Сочинения И. Сталина. М. : Гос. изд-во полит. литературы, 1949. Т. 12. С. 235–373.

Сталин И. В. О задачах хозяйственников: Речь на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 г. // Сочинения И. Сталина. М. : Гос. изд-во полит. литературы, 1951. Т. 13. С. 29–41.

Статья лауреата Сталинской премии И. А. Дорошева «Урал — становой хребет обороны» // Рубежи созидания. К 70-летию академической науки на Урале : документы и материалы. 1932–2002 гг. Екатеринбург : УрО РАН, 2002. С. 107–110.

Университеты и научные учреждения. 2-е изд. М. ; Л. : Объединенное научно-техническое издательство, 1935. URL: http://leftinmsu.narod.ru/library_files/books/Universytety_narkompros_files/529.htm. (дата обращения: 12.04.2020).

Устав Академии наук СССР, утвержден 18 июня 1927 г. // Открытый текст : электронное периодическое издание. URL: <http://opentextnn.ru/old/history/historiografy/institut/ran/index.html?id=3057> (дата обращения: 23.07.2021).

Устав Академии наук СССР 1935 г. // Открытый текст : электронное периодическое издание. URL: <http://opentextnn.ru/history/historiography/institutions-historiography/academy/ustav-an-sssr-1935-g/> (дата обращения: 23.07.2021).

Исследования

Аблажей А. М. От советской к постсоветской модели: воспроизводство науки в России // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2011. Т. 9, вып. 3. С. 74–79.

Александров Д. А. Почему советские ученые перестали печататься за рубежом: становление самодостаточности и изолированности отечественной науки, 1914–1940 // Вопросы истории естествознания и техники. 1996. № 3. С. 3–24.

Гельвих А. В. «Пролетарская наука» А. А. Богданова: коммуникативная утопия на службе утопии социальной // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2017. № 4 (16). С. 92–101. <https://doi.org/10.25513/2312-1300.2017.4.92-101>

Долгова Е. А. Советское научное сообщество в 1918–1934 гг.: социальный, институциональный, публичный аспекты : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02. М., 2020.

Исюмова Л. В. Карточная система в годы Великой Отечественной войны: организация и принципы распределения // Война и мир в отечественной и мировой истории : материалы Междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 27 марта 2020 г. : в 2 т. / под ред. В. М. Доброштан, С. И. Бугашева, А. С. Минина, Т. В. Рабуш. СПб. : Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2020. Т. 1. С. 210–218.

Каплюков В. В., Яркова Е. И. К вопросу о степени изученности истории работ Комиссии Академии наук СССР по мобилизации ресурсов Урала на нужды обороны страны // Документ. Архив. История. Современность : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 2–3 декабря 2016 г. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. С. 358–363.

Лазар М. Г. Этнос науки в социологии Р. Мертона: судьба и статус в науковедении // Социология науки и технологий. 2010. № 4. С. 124–139.

Лапко А. Ф., Люстерник Л. А. Ленин, наука и просвещение // Успехи математических наук. 1970. Т. 25, вып. 2 (152). С. 15–79.

Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М. : АСТ, 2006.

Сидорчук И. В. Основные особенности институционализации новых научных учреждений в послереволюционной России (на примере Петрограда-Ленинграда) // Социология науки и технологий. 2017. Т. 8, № 3. С. 59–71.

Синельникова Е. Ф. Конструируя советскую науку: научные общества в 1920-е годы // Советский проект. 1917–1930-е гг.: этапы и механизмы реализации : сб. науч. тр. / под ред. О. В. Горбачева, Л. Н. Мазур. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. С. 454–463.

Степин В. С. Цивилизация и культура. СПб. : СПбГУП, 2011.

Стратонов В. В. Потеря Московским университетом свободы (воспоминания о забастовке 1922 г.) // Историко-астрономические исследования. Вып. 23. М. : Наука, 1992. С. 410–455.

Юдин Б. Г. История советской науки как процесс вторичной институционализации // Философские исследования. 1993. № 3. С. 83–106.

Ярошевский М. Г. Сталинизм и судьбы советской науки // Репрессированная наука / под общ. ред. М. Г. Ярошевского. Л. : Наука, 1991. С. 6–33.

Ясницкий А. Сталинская модель науки: история и современность российской психологии // PEM: Psychology. Educology. Medicine. 2015. № 3–4. С. 407–422.

Яшина А. В. Наука как инструмент построения советского государства 1920–1930-х гг. // Genesis: исторические исследования. 2019. № 10. С. 1–9. <https://doi.org/10.25136/2409-868X.2019.10.30923>

References

Ablazhey, A. M. (2011). Ot sovetskoi k postsovetskoi modeli: vosproizvodstvo nauki v Rossii [From the Soviet to the Post-Soviet Model: Reproduction of Science in Russia]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seria: Filosofiya*, 9(3), 74–79.

Aleksandrov, D. A. (1996). Pochemu sovetskie uchenye perestali pechatat'sia za rubezhom: stanovlenie samodostatochnosti i izolirovannosti otechestvennoi nauki, 1914–1940 [Why Soviet Scientists Stopped Publishing Abroad: The Formation of Self-Sufficiency and Isolation of Russian Science, 1914–1940]. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*, 3, 3–24.

Dolgova, E. A. (2020). *Sovetskoe nauchnoe soobshchestvo v 1918–1934 gg.: sotsial'nyi, institutsional'nyi, publichnyi aspekty* [Soviet Scientific Community in 1918–1934: Social, Institutional, Public Aspects] (habilitation dissertation). Moscow.

Gelvikh, A. V. (2017). “Proletarskaia nauka” A. A. Bogdanova: kommunikativnaia utopia na sluzhbe utopii sotsial'noi [“Proletarian Science” of A. A. Bogdanov: A Communicative Utopia

in the Service of a Social Utopia]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seria "Istoricheskie nauki"*, 4 (16), 92–101. <https://doi.org/10.25513/2312-1300.2017.4.92-101>

Izyumova, L. V. (2020). Kartochnaia sistema v gody Velikoi Otechestvennoi voyny: organizatsia i printsipy raspredelenia [Card System during the Great Patriotic War: Organisation and Distribution Principles]. In V. M. Dobroshan, S. I. Bugashev, A. S. Minin, & T. V. Rabush (Eds.), *Voina i mir v otechestvennoi i mirovoi istorii: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Sankt-Peterburg, 27 marta 2020 g.* [War and Peace in National and World History : Proceedings of the International Scholarly Conference, St Petersburg, March 27, 2020] (Vol. 1, pp. 210–218). St Petersburg: Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet promyshlennykh tekhnologii i dizaina.

Kaplyukov, V. V., & Yarkova, E. I. (2016). K voprosu o stepeni izuchennosti istorii rabot Komissii Akademii nauk SSSR po mobilizatsii resursov Urala na nuzhdy oborony strany [On the Question of the Degree of Study of the History of the Work of the Commission of the Academy of Sciences of the USSR on Mobilising the Resources of the Urals for the Needs of the Country's Defense]. In L. N. Mazur (Ed.), *Dokument. Arkhiv. Istoriia. Sovremennost': materialy VI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Ekaterinburg, 2–3 dekabria 2016 g.* [Document. Archive. History. Modernity: Materials of the VI International Scholarly and Practical Conference, Yekaterinburg, December 2–3, 2016] (pp. 358–363). Yekaterinburg: Ural University Press.

Lazar, M. G. (2010). Etos nauki v sotsiologii R. Merton: sud'ba i status v naukovedenii [The Ethos of Science in the Sociology of R. Merton: Fate and Status in the Study of Science]. *Sotsiologia nauki i tekhnologii*, 4, 124–139.

Lapko, A. F., & Lyusternik, L. A. (1970). Lenin, nauka i prosveshchenie [Lenin, Science and Education]. *Uspekhi matematicheskikh nauk*, 25, 2 (152), 15–79.

Merton, R. (2006). *Sotsial'naiia teoria i sotsial'naiia struktura* [Social Theory and Social Structure]. Moscow: AST.

Sidorchuk, I. V. (2017). Osnovnye osobennosti institutsionalizatsii novykh nauchnykh uchrezhdenii v poslerevoliutsionnoi Rossii (na primere Petrograda-Leningrada) [The Main Features of the Institutionalisation of New Scientific Institutions in Post-Revolutionary Russia (with Reference to Petrograd-Leningrad)]. *Sotsiologia nauki i tekhnologii*, 8(3), 59–71.

Sinel'nikova, E. F. (2018). Konstruirovanie sovetskuiu nauku: nauchnye obshchestva v 1920-e gody [Constructing Soviet Science: Scientific Societies in the 1920s]. In O. V. Gorbachov, & L. N. Mazur (Eds.), *Sovetskii proekt. 1917–1930-e gg.: etapy i mekhanizmy realizatsii: sbornik nauchnykh trudov* [The Soviet Project. 1917–1930s: Stages and Mechanisms of Implementation: Collection of Scholarly Works] (pp. 454–463). Yekaterinburg: Ural University Press.

Stepin, V. S. (2011). *Tsivilizatsia i kul'tura* [Civilisation and Culture]. St Petersburg: SPbGUP.

Stratonov, V. V. (1992). Poteria Moskovskim Universitetom svobody (vospominania o zabastovke 1922 g.) [Moscow University's Loss of Freedom (Memories of the 1922 Strike)]. *Istoriko-astronomicheskie issledovania*, 23, 410–455.

Yaroshevsky, M. G. (1991). Stalinizm i sud'by sovetskoi nauki [Stalinism and the Fate of Soviet Science]. In M. G. Yaroshevsky (Ed.), *Repressirovannaia nauka* [Repressed Science] (pp. 6–33). Leningrad: Nauka.

Yasnitsky, A. (2015). Stalinskaia model' nauki: istoria i sovremennost' rossiiskoi psikhologii [Stalin's Model of Science: History and Modernity of Russian Psychology]. *PEM: Psychology. Educology. Medicine*, 3–4, 407–422.

Yashina, A. V. (2019). Nauka kak instrument postroenia sovetskogo gosudarstva 1920–1930-kh gg. [Science as a Tool for Building the Soviet State in the 1920s and 1930s]. *Genesis: istoricheskie issledovania*, 10, 1–9. <https://doi.org/10.25136/2409-868X.2019.10.30923>

Yudin, B. G. (1993). Istoria sovetskoi nauki kak protsess vtorichnoi institutsializatsii [The History of Soviet Science as a Process of Secondary Institutionalisation]. *Filosofskie issledovania*, 3, 83–106.

Мазур Людмила Николаевна

доктор исторических наук, доцент

¹ заведующая кафедрой документоведения,
архивоведения и истории государственного
управления

Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51;

² ведущий научный сотрудник
Российский государственный
гуманитарный университет
125993, Москва, Миусская пл., 6
E-mail: LN.Mazur@urfu.ru

Mazur, Lyudmila Nikolaevna

Dr. Hab. (History), Associate Professor

¹ Head of the Department of Documentation,
Archival Science and History of Public
Administration,

Ural Federal University

51, Lenin Ave., 620000 Yekaterinburg, Russia;

² Leading Researcher

Russian State University for the Humanities

6, Miusskaya Sq., 125993 Moscow, Russia

Email: LN.Mazur@urfu.ru.

<https://orcid.org/0000-0003-0407-3816>

ResearcherID: B-3622-2016

Scopus AuthorID: 56625686000